

А. РАБИНОВИЦ, Л.В. СЕДИКОВА

НОВЫЙ САРКОФАГ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди большого числа публикаций по истории Херсонеса римского периода работы Виталия Михайловича Зубаря выделяются высоким качеством и содержательностью. В своих статьях и монографиях он коснулся практически всех аспектов социально-экономической и культурной жизни города в позднеантичный период. Особый интерес ученый проявлял к изучению некрополя Херсонеса как показателя уровня его социального развития. Начиная с ранних работ [Зубарь, 1982; Зубарь, 1987], где он анализировал погребальный обряд, социальный статус и этнический состав населения, и в более поздних публикациях, посвященных проникновению христианства в Херсонес [Зубарь, 1988], ученый рассматривал динамику социально-политических процессов, проходивших в Таврике в римский период [Зубарь, 2004]. Анализируя херсонесский пантеон первых веков н.э., В.М. Зубарь, помимо прочих наблюдений, отметил изменения, произошедшие с культом Геракла. В это время герой перестал чтиться как покровитель и защитник Херсонесского государства, и приобрел отчетливо выраженные хтонические функции [Зубарь, 2005, с. 33].

Интерес к культуре Геракла в Херсонесе римского периода подтверждается рядом памятников, начиная от алтарей [Щеглов, 1974, стр.526 рис. 5; Античная Скульптура Херсонеса, 1974, № 65-66, 75-77], и кончая серией небольших votivных стел, изображающих стоящего Геракла, одетого в шкуру Немейского льва, опирающегося на палицу [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 60-62]; подобный рельеф был найден нами в завале построек византийского периода при недавних раскопках Южного района (рис. 1). Недавно в Балаклаве были найдены фрагменты алтаря, статуи и поста-мента статуи, связанной с Гераклом, в святилище Юпитера Долихена римского периода [Сарновский, Савеля, 2000, стр. 94, рис. 10.4; стр. 77, рис. 8.1; стр. 93, рис. 10.3]. Надпись на постаменте является посвящением Гераклу во здравие императора Антонина Августа и Марка Аврелия цезаря.

Связь Геракла с погребальным обрядом четко прослеживается на ряде памятников. Три подвига Геракла были изображены на плите саркофага, датируемой первой половиной III в. н.э., и вторично использованной в вымостке пола «Базилики 1935 г». [Белов, 1938, с. 55-56, рис. 33; Белов, 1940, с. 280 –

281; Античная скульптура Херсонеса, 1974, с. 147, рис. 193; Соколов, 1999, с. 444; Херсонес Таврический, 2004, с. 470, рис. 242; Jongste, 1992, no. P.7, p. 132].

Изображение Геракла становится более популярным на римских саркофагах, начиная с первой половины II в. н.э. Так как герой обрел бессмертие после серии тяжелых испытаний, приобретавшие эти саркофаги люди могли считать его эсхатологическим образцом [Engemann, 1973]. Хотя некоторые исследователи считают, что изображение Геракла на саркофагах имеет более общий смысл – победы вопреки жизненным трудностям [Jongste, 1992, p. 11], изменения в культе героя, отмеченные В.М. Зубарем в Херсонесе, говорят о том, что Геракл, несомненно, являлся весьма характерным образом для ритуального и погребального искусства. Хтонические функции героя в местном контексте делали его подходящим спутником и для мертвых, и для живых, а его длительная связь с Херсонесом и его округой придавали использованию этого образа особую значимость.

Так, фрагмент мраморной скульптурной группы, изображающей Геракла в борьбе с Немейским львом, найденный во время консервационных работ в Южном районе Херсонеса после раскопок 2006 г., представляет большой интерес. Обломанный и сильно потертый фрагмент был вторично использован в качестве строительного материала в стене жилого дома XIII в. В постройках северной части квартала византийского периода, раскопанного совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института Классической Археологии Техасского университета, использовались многочисленные детали античной эпохи, в том числе массивные облицовочные блоки (рис. 2-3).

CH06SR SF3973 (рис. 4-8). Фрагмент скульптуры с изображением мускулистой мужской фигуры, захватывающей со спины шею льва. Средне-мелкозернистый мрамор со светло-желтым оттенком. Высота: 25 см. Ширина: 32 см. Толщина: 17 см. Фрагмент был обломан или обрезан в форме трапеции, шириной около 32 см в самой широкой части, и высотой от 11 см до 25 см. Передняя часть скульптуры значительно потерта: поверхность правой руки Геракла сломана или срезана, сохранилась только рельефная часть, где рука соприкасается с телом; завитки в центральной части львиной гривы стесаны. Оригинальная поверхность скульптуры сохранилась на правой грудной мышце, мышцах живота, боковой части фигуры Геракла, и на спине, где она сливается с невысоким, плоским, прямоугольным выступом-пилястром (?). Морда и шея льва на правой стороне блока также сохранились и также сливаются с прямоугольным пилястром, расположенным сзади. На мраморе в некоторых местах наблюдаются мелкие и средние сколы, а поперек верхней задней части – большой диагональный скол.

Выступ на спине имеет форму плоского прямоугольника, который начинается с четкого горизонтального края в верхней части фрагмента, чуть ниже того места, где должны были быть верхняя часть спины и шея Геракла,

и тянется от правого плеча фигуры до левой стороны львиной морды. В верхней части фрагмента плоская поверхность состоит из передней части львиной морды и плоского участка за фигурой; в нижней части львиной морды площадь сужается примерно до 12 см и тянется вниз по задней поверхности фрагмента до скола в самом низу, напоминая букву Г. Поверхность этого прямоугольного участка, возможно, не является результатом скола, но также непохожа на обработку, так как участок хоть и относительно гладкий, но имеет шероховатую поверхность и неровные края. Следов инструмента не наблюдается. В нижней части фрагмента небольшой выступ вдоль линии верхней части бедра Геракла свидетельствует о выпуклости верхней части ягодниц и, возможно, о месте соединения с плоской поверхностью.

Если смотреть на скульптуру спереди, Геракл стоит слева от наблюдателя. Верхняя часть его тела отклонена ото льва, а правая рука, крепко прижатая, согнута в локте, повернута в его сторону. Рука перекрывает торс чуть ниже грудных мышц. Нижняя часть тела заметно повернута, а средняя линия спины на тыльной стороне рельефа также изогнута, свидетельствуя о напряженном затыжном движении в сторону ото льва. Сохранился небольшой фрагмент левой руки Геракла в месте ее появления из верхушки львиной гривы.

Лев изображен вертикально на левой стороне скульптуры, его спина повернута к зрителю. Морда небрежно вырезана в профиль и повернута к задней стороне фрагмента, она заострена, пасть широко открыта, язык высунут, правый глаз открыт под нависающей бровью. Внимание скульптора, по-видимому, было сосредоточено не на морде льва, а на его гриве, переданной в виде сетки густых выпуклых ромбовидных локонов на правом краю скульптуры, где грива лучше всего сохранилась. Центральная часть гривы утрачена, но по краям, где она спадает с львиной спины и левой руки Геракла, она передана отдельными взъерошенными прядями. На сохранившихся фрагментах гривы нет следов сверления и, в целом, рельеф достаточно плоский. Различимо левое плечо льва, но положение передней ноги не определяется. Несмотря на то, что поверхность фрагмента сильно повреждена в области правого предплечья Геракла, вертикальная бороздка, идущая от львиного плеча к более обширному участку рельефа в центре правого предплечья героя, отчетливо изображает левую переднюю лапу льва, которая в аналогичных композициях, в борьбе хватает руку Геракла. В пространстве между рукой Геракла, передней лапой и телом льва – углубление.

Эта композиция, несомненно, изображает борьбу Геракла с Немейским львом – первый подвиг героя в классическом изображении «додекатлоса». Герой расправился со львом, которого невозможно было ранить, задушив его. Эта сцена борьбы представлена в искусстве, начиная с VI в. до н.э., когда она появляется на чернофигурных вазах. В поздне-римском, византийском и средневековом искусстве она была более распространена в скульптуре. В греческих и римских контекстах битва Геракла со львом, в целом, передается как

борьба и часто изображается, как герой выполняет бросок через спину с захватом шеи льва, атакуя животное спереди. В средневековый период Геракл, напротив, изображается в полусидячем положении на спине льва, раскрыв ему пасть сзади, подобно борцам со львами Самсону и Давиду [Ambrose, 2005, p. 136 и далее]. В греческих сюжетах Геракл часто изображен прижимающим льва к земле; герой при этом стоит на одном колене или склоняется надо львом, который смотрит ему в лицо и хватается за голову или руку героя правой или левой ногой. [Felten, s.v. Heracles, *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, 1990]. Реже в этот же период Геракл изображается стоящим вертикально, рукой обхватив шею льва и прижав голову к себе (ранний образец можно найти на метопах сокровищницы афинян в Дельфах).

Однако в римский период более распространенной становится сцена борьбы, в которой герой изображается стоя. Этот сюжет становится каноническим к середине I в. н.э., а ко II в. н.э. в самой распространенной сцене борьбы Геракл изображен стоящим, прижимающим голову льва к левому боку. Левая рука обхватывает шею льва, а правая размещена поперек торса так, что герой может охватить левое запястье или руку своей правой рукой (самого сжатия не видно, так как руки героя накрывает львиная грива). В данной композиции лев неизменно стоит прямо, он повернут к зрителю спиной или левым боком; обычно он хватается за правую руку героя левой передней лапой или ногу героя левой задней. Существует мнение, что эта композиция происходит из бронзовой скульптуры Лисиппа, части группы, изображающей подвиги Геракла, привезенной из Ализии в Акрананию в какое-то время до середины I в. н.э. [von Salis, 1959].

Несомненно именно этот тип изображен на нашем фрагменте. Фронтальное расположение фигуры Геракла, разворот его торса влево, положение руки с львиной лапой на ней, а также размещение тела льва таким образом, что грива обращена к зрителю, а морда оказывается позади фигуры героя – все это имеет многочисленные аналогии и среди отдельно стоящих групп, и среди рельефов. Отдельно стоящие скульптуры включают знаменитую статую из коллекции Голицына, привезенную из Флоренции, ныне хранящуюся в Эрмитаже; подобная статуя находится в Музее Ашмола в Оксфорде [Michaelis, 1882, Oxford no. 38], а известняковая группа из Кёльна была найдена, в числе других погребальных памятников, в оборонительной стене периода Северов [von Salis 1959, p. 25-26, fig. 13]. Всю эту скульптуру можно датировать серединой I – II в. н.э. Данная композиция также является самым распространенным изображением первого подвига из додекатлоса на саркофагах, изготовленных в Риме, Афинах и Малой Азии в период между правлением Адриана и серединой II в. н.э. [Felten, LIMC, p. 33; Jongste 1992]. Варианты этого сюжета появлялись и после середины III в. н.э., но они принадлежали статуям меньших размеров и более грубо исполненным [Bordenache, 1969, no. 138].

Достаточно тонкая резьба и минимальное использование буравчика на нашем фрагменте, пластичная передача торса Геракла, а также аналогии, рассмотренные выше, дают возможность датировать наш фрагмент серединой I – началом III в. н.э., периодом интенсивного римского присутствия в Херсонесе. Однако наиболее интересной является попытка определения первоначального назначения памятника. Сцена борьбы с Немейским львом, одна или в сочетании с другими подвигами, встречается в архитектурных рельефах, отдельных декоративных группах, а также в надгробных памятниках – преимущественно, но не исключительно, саркофагах. Характер памятника, к которому принадлежал наш фрагмент, не только определяет дату и происхождение скульптуры, но также помогает понять историю и топографию Херсонеса римского периода.

К сожалению, размер скульптурной группы, к которой относился наш фрагмент, дает очень мало информации о его первоначальном назначении. На основании сравнения пропорций нашего памятника с целыми сюжетными группами можно предположить, что изначальная высота скульптуры, вероятно, составляла 65-75 см. Это чуть больше некоторых образцов саркофагов, и чуть меньше отдельностоящих памятников (длина Оксфордской группы – 81 см [Michaelis, 1882, p. 551], а Кёльнской статуи – 82 см. [von Salis, 1959, p. 25]), но, в общем, в пределах размеров обоих классов. Данный размер также не исключает архитектурного происхождения памятника: наш образец чуть выше резного пилястра базилики Севера в Лептис-Магна с сюжетным орнаментом, выполненным в технике высокого рельефа, включающим подвиги Геракла [Squarciapino, 1974], но значительно меньше рельефных панелей с подвигами, высотой 1,5 м, которые украшали «большое прямоугольное помещение» в позднеантичной вилле в Чирагане (Франция) [Espèrandieu, 1908 (1965), no. 899, pp. 36-39; Hannestad, 1994, p. 128ff.].

Наиболее показателен характер обработки задней и боковых сторон скульптуры. Отдельно стоящие группы, несомненно, предназначены для кругового осмотра, и обработаны со всех сторон. Там, где есть конструктивная необходимость в опорах, они располагаются ниже средней части фигуры (палица – в экземпляре из Эрмитажа, камень – в кёльнской группе). Наш фрагмент не предназначался для осмотра со всех сторон. С левой стороны спина Геракла сливается с центральным пилястром, а морда льва на правой стороне фрагмента обработана крайне небрежно и схематично. Передняя часть морды невыразительна и находится на одном уровне с плоским участком, свидетельствуя о том, что изначально она помещалась вплотную или сливалась с плоской поверхностью. Сам пилястр необычен не только своим наличием, но и высотой: его верхний край очевидно сохранившийся в оригинальной форме, должен был достигать участка чуть ниже начала шеи героя. Это не только излишне с конструктивной точки зрения, но также отвлекает зрительно, и, судя по качеству остальной части фрагмента, трудно объяснимо для отдельно стоящей скульптурной группы.

Похожий фрагмент скульптурной группы неизвестного происхождения из коллекции Херсонесского заповедника с сильно потертой, но, тем не менее, более массивной опорой или пилястром, расположенным на задней стороне, мог рассматриваться как аналогия (рис. 9). Он принадлежит скульптуре примерно тех же размеров, что и наша, и также представляет собой мускулистый мужской торс, очевидно, прижимающий что-то к левому боку. Публикаторы памятника интерпретировали его как скульптуру Геракла, борющегося со львом [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 30-31, № 58, инв. № 112/36579]. В каталоге он определен как фрагмент отдельно стоящей скульптурной группы, а массивный пилястр сзади описан как характерная черта западно-понтийской круглой скульптуры. Стилистически фрагмент считается образцом типичного «провинциального искусства» [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 31].

Однако несколько факторов ставят под сомнение пригодность этого фрагмента в качестве аналогии для образца из Южного района. Опора или пилястр в задней части скульптуры гораздо более массивный и лучше сочетается с фигурой, чем безрельфная зона фрагмента из Южного района. Более того, есть существенные и вызывающие сомнения отличия в композиции. В наиболее сохранившихся скульптурных группах, изображающих Геракла со львом, животное неизменно частично или полностью закрывает левую половину фигуры героя; его голова почти достигает плеча Геракла; а руки героя не видны, так как, судя по позиции, они обхватывают львиную шею. Однако на старом херсонесском фрагменте поврежденный участок, интерпретируемый как остаток фигуры льва, возвышается над плечом мужской фигуры, его центр расположен левее средней линии торса, оставляя открытой левую грудь и половину туловища.

Еще более нехарактерным для данной композиции является изображение поднятого вверх большого и двух вытянутых пальцев правой руки, покоящейся на левой стороне фигуры (рис. 10). Правая рука Геракла редко встречается в такой композиции, и в этом случае она сжимает левую руку героя в положении захвата (например, бронзовая группа из Цюриха, которую фон Салис считает отправной [von Salis, 1959, pp. 5-7, fig. 1-2]). Свободная рука на этом старом херсонесском фрагменте находится в неудобном положении для захвата, являющегося определяющим элементом композиции. В каталоге также отмечены несоответствия в пропорциях руки, которые авторы сочли признаком «провинциального» происхождения скульптуры [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 31]. Характерные черты скульптуры позволяют предположить, что на фрагменте изображена не сцена борьбы Геракла со львом, а какая-то другая композиция, возможно, включающая две человеческие фигуры, одна из которых обхватывает другую одной рукой (как, например, на Дионисийском саркофаге III в. н.э. из Бостона с изображениями хмельного Геракла [Comstock, Vermeule, 1976, no. 244; Museum of Fine Arts, 1972, 650]). Таким образом аналогии для нашего фрагмента следует искать в другом месте.

Если выступ на задней стороне нашего фрагмента изначально являлся элементом скульптуры, то, вероятнее всего, он был местом соединения с архитектурным элементом, а не опорой для отдельно стоящей статуи. Подвиги Геракла, безусловно, изображались и в архитектурных контекстах. Самые известные из них, это упомянутые пилястры базилики Севера в Лептис-Магна, рельефные панели II в. из Палестрины, которые могли служить архитектурным декором, а также поздние группы панелей из Чирагана. Однако вряд ли их можно рассматривать как аналогии для нашего фрагмента. Во всех трёх случаях фигурный декор не составлялся из отдельных элементов, а вырезан из одного блока. Рельеф панелей Палестрины и Чирагана гораздо ниже, чем у нашего фрагмента (толщина последнего – всего около 13 см.), а на пилястрах из Лептис-Магна фигуры обрамлены орнаментом из завитков, заслоняющих заднюю часть фигуры. Вырезать морду льва при этом было бы трудно и нецелесообразно. Возможно, именно по этой причине скульпторы – изготовители пилястров – изображали льва с повернутой вперед мордой. Безусловно, возможны и другие архитектурные композиции, включающие анты или консоли, но мы не смогли найти точных аналогий, где бы отдельно стоящий скульптурный элемент такого размера, формы и сюжета был встроен в архитектурный комплекс.

Самые близкие и наиболее вероятные аналогии для нашего фрагмента находятся среди римских мраморных саркофагов с изображением подвигов Геракла. Эта композиция точно повторяется на саркофагах, изготовленных в Малой Азии в середине II – середине III в. н.э., а самые близкие аналогии датируются 150-180 гг. н.э. (Музей Анталии, Турция, инв. № А928 [Jongste, 1992, № J.2] 150-155 гг. н.э.; Вилла Боргезе, Италия, инв. № 1540/41 [Jongste, 1992, №. К.1] 155-160 гг. н.э.; Музей Торлония, Италия, инв. № 420 [Jongste, 1992, №. К.6] 170 г. н.э.). Наш фрагмент, вероятнее всего, представляет собой изображение первого подвига Геракла на мраморном саркофаге, содержавшем весь цикл подвигов, и датируется, возможно, третьей четвертью II в. н.э.

Несмотря на то, что толщина нашего фрагмента, в настоящее время составляющая около 17 см, а первоначально, возможно, 19-20 см, невозможно предположить, чтобы глубина рельефа была такой же значительной, как у высококлассных образцов. Саркофаг из Виллы Боргезе, например, имеет высоту рельефа 17,7 см [Jongste, 1992, р. 117]. Расположение группы вдоль стены саркофага может объяснить наличие гладкой поверхности сзади фигур и характер обработки львиной морды. Это можно интерпретировать как слияние левой стороны фигур с лицевой поверхностью плиты саркофага. Если эта гипотеза верна, группа должна была находиться на левом конце одной из длинных сторон саркофага, объясняя полное моделирование правой части спины Геракла, которая должна была быть видна зрителю, стоящему у левой короткой стороны.

Вместе с тем, сложнее объяснить, хоть и схематичное, но все же скульптурное изображение львиного профиля. Эта деталь не предполагала близкого

рассмотрения. По опубликованным фотографиям аналогичных саркофагов, которые почти всегда сняты с угла или в фас, кажется, что голова льва в группах такого типа «утоплена» в стенку саркофага. В серии саркофагов с колоннами было бы трудно разглядеть морду, так как она перекрывалась бы выступающей колонной на правой стороне сцены.

Другие детали также отличают наш вариант изображения сцены от саркофагов с колоннами. На них голова льва расположена под углом, тогда как на фрагменте из Южного района завитки гривы предполагают ее прямое положение. На самих завитках не наблюдается широкого использования сверла, видимого на азиатских образцах, а свободные локоны, падающие на загривок нашего льва, отличаются от львиных грив на саркофагах с колоннами, которые обычно рядами волн поднимаются вверх от загривка.

Индивидуальные особенности, а также внешний вид мрамора, позволяють поднять вопрос о типе и происхождении саркофага. Считается, что большая часть мрамора привезена в Херсонес из Проконеса, который, благодаря своему расположению в Мраморном море, стал основным источником мрамора со времен реорганизации карьеров в собственность государства при Тиберии [Ward-Perkins, 1969, p. 113; Asgari, 1973, p. 468-469]. Проконес также являлся основным центром производства саркофагов и во II - III вв. н.э., в частности, полуфабрикатов для экспортного рынка [Ward-Perkins, 1969, p. 113; Ward-Perkins 1980, p. 328; Asgari, 1973, p. 478-480]. Однако проконесское происхождение фрагмента из Южного района маловероятно: мрамор нашего фрагмента более однородный и имеет более теплый оттенок, чем серовато- или синевато-белый полосатый проконесский мрамор. Более того, проконесские изделия, вывозимые на продажу, в основном, представляли собой саркофаги с гирляндами и фронтонами, некоторые из которых представлены находками в Херсонесе [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 430]. С другой стороны саркофаги с фигурными фризами и колоннами производились, преимущественно, в трёх основных центрах: Риме, Афинах и Докимеоне во Фригии [Waelkens, 1982, pp. 120-123; Koch, 1993, p. 113ff.]. Из этих трёх центров происходят почти все известные саркофаги с изображениями подвигов Геракла.

В первой половине II в. появилась тенденция распространения подобных саркофагов в самом Риме и его ближайшей округе, свидетельствуя о том, что они первоначально производились для относительно немногочисленной элиты. Позже, к концу третьей четверти столетия, наблюдается вторая волна распространения стандартизированной продукции на местных рынках, особенно в Малой Азии. Это можно объяснить модой на фигурные саркофаги среди элиты более низкого уровня [Jongste, 1992, pp. 11-12]. Эта стандартизированная продукция представляла собой саркофаги с изображением подвигов, весьма однородные по стилистике, изготовленные в конце II в. в Докимеоне. Производство подобных саркофагов в Афинах было менее масштабным, а иконография – более вариативной, возможно, отчасти отвечая запросам индивидуальных

заказчиков [Jongste, 1992, p. 101]. В отличие от проконесских саркофагов с гирляндами, которые, по-видимому, в большинстве случаев, доделывали уже на месте отделку аттических и наиболее изящных из докимеоновых саркофагов, почти всегда доводили почти до готовности еще до отправки заказчику [Ward-Perkins, 1980, p. 328; Koch, 1993, p. 113ff.].

Наш фрагмент отличается от стандартизованных образцов азиатских саркофагов третьей четверти II в. н.э. Также проблематично, особенно учитывая стилистику изображения льва, связать его с группой саркофагов с колоннами, изготовленных в Докимеоне, несмотря на определенное сходство. Кроме того, трактовка львиной морды свидетельствует о том, что фигуры не были размещены в интерколумнии, а образовывали часть фриза. Из имеющихся аналогий наш фрагмент ближе всего к изображению Геракла со львом на фризовом саркофаге, датируемом около 150-160 гг. н.э. из Археологического Музея Кайсери, хотя глубина рельефа на нашем фрагменте значительно выше. Поэтому не исключено, что он принадлежал одной из подсерий фризовых саркофагов, изготовленных в Докимеоне в 140-170 гг. н.э., наподобие саркофага с подвигами Геракла из Анталии [Dierichs, 1992, p. 269, fig. 2], хотя аттическое происхождение также возможно. На основании изучения фотографий фрагмента из южного района, Г. Коч предположил, что нехарактерный для докимеонового желтоватый оттенок мрамора, вероятнее всего, свидетельствует о его пентелийском происхождении (личное общение, Ноябрь 2009). Если это действительно аттическая продукция, то дата 150-180 гг. н.э. еще более вероятна. Саркофаги докимеоновой группы второй половины II в., часть которых испытывали влияние более ранних аттических моделей [Koch, 1993, p. 111], являются близкими стилистическими аналогиями, а сюжет позволяет отнести их к выделяемой Г. Кочем «Mittelantonsische Phase» аттического производства 150-180 гг. н.э. Для этой фазы был характерен широкий ряд мифологических сюжетов, в том числе подвиги Геракла [Koch, 1993, p. 108]. В объединенном каталоге П. Йонгсте все аттические образцы с изображением подвигов относятся к этой категории [Jongste 1992, p. 139, diagram 2].

На основе имеющихся данных, публикуемый фрагмент можно интерпретировать как часть малоазийского или аттического фризового саркофага третьей четверти II в. н.э. с изображением подвигов Геракла. Без более точного анализа мрамора и более однозначных фрагментов саркофага эта интерпретация должна оставаться гипотетической. Последние достижения в химических исследованиях источников мрамора могут помочь решить первую проблему [Brilli и др., 2005], а дальнейшие раскопки могут помочь со второй. Однако на сегодняшний день эта интерпретация является лучшим объяснением индивидуальных характерных особенностей фрагмента. Она может также помочь интерпретировать другой фрагмент мраморной скульптуры, найденный в круглом сооружении XIII в. в соседнем квартале (рис. 11).

CH06SR SF3583 (рис. 12-14). Левое бедро мужской фигуры, от колена до

бедренного сустава. Средне-мелкозернистый белый мрамор со светлым желтоватым оттенком. Длина фрагмента 14,35 см, диаметр самой широкой части бедра 7,4 - 8,4 см. Вертикальный скол в виде вытянутой бороздки шириной 2,7-3,7 см вдоль внешней поверхности бедра, другой подтреугольный скол – в паховой области. Бедро принадлежит обнаженной, мускулистой мужской фигуре. Положение четырёхглавой мышцы, которая образует выпуклость на середине бедра и заканчивается угловатой припухлостью чуть выше колена, свидетельствует о том, что эта нога была согнута, а мышцы напряжены. Таким образом она, вероятно, принадлежала фигуре, делающей выпад вперед левой ногой.

Этот фрагмент также, скорее всего, являлся частью рельефа, а не отдельно стоящей скульптуры. Продольный скол вдоль бедра можно интерпретировать как место соединения с плоской поверхностью, так как мускулатура свидетельствует о том, что бедро должно было располагаться под углом, тогда как опоры для отдельно стоящих мраморных статуй обычно бывают вертикальными. Обнаженность и положение выпада с согнутой левой ногой соответствуют традиционным изображениям Геракла в нескольких из его подвигов на азиатских саркофагах II в., например, в эпизоде с Эриманфским ведром, Керинейской ланью и Стимфалийскими птицами [Jongste, 1992, nos. K6, N2; Dierichs, 1993, fig. 2]. Учитывая, что мрамор обоих описываемых фрагментов имеет незначительные отличия, и то, что они оба были найдены в одном районе, можно допустить, что фрагменты принадлежали одному и тому же памятнику.

Если, как мы утверждаем, этот памятник являлся мраморным саркофагом, изготовленным в Афинах или Докимеоне в третьей четверти II в. н.э., то этот факт может быть использован для характеристики социального положения Херсонеса в этот период. Аттические саркофаги довольно широко экспортировались, особенно в восточное Средиземноморье, и особенно на поселения, расположенные вдоль морских путей [Koch, 1993, p. 111-112]. Их большое количество было найдено на памятниках черноморского побережья, в том числе хорошо сохранившийся образец конца II в. с изображением Ахилла на Скиросе, найденный в Мирмекии в начале XIX в., а ныне хранящийся в Эрмитаже [Robert, 1968, no. 21, pp. 26-29; Rogge, 1995, no. 29, p. 31]. Южное побережье Крыма было связано с Афинами хорошо налаженными морскими торговыми путями, поэтому находки аттических саркофагов не вызывают удивления. Распространение докимеоновых саркофагов за пределами Рима было более характерно для некоторых частей Малой Азии и сухопутных маршрутов, ведущих из внутренних районов к различным портам. С другой стороны саркофаг с Ахиллом – это единственный на сегодняшний день отмеченный в Крыму аттический экземпляр, тогда как находки докимеоновых саркофагов на южном и западном побережье Черного моря говорят о том, что они также иногда перевозились на большие расстояния.

В любом случае отдаленность Крыма от этих центров производства, а также чрезвычайная редкость подобных саркофагов для Северного Причерноморья,

позволяют предположить, что для данного региона они являлись дорогими экзотическими изделиями. По расчетам Г. Коча, сделанным вслед за Х. Вигартз, на изготовление одного высокохудожественного саркофага артель из четырех-пяти работников могла потратить 250 дней [Koch, 1993, p. 110]. Так как и аттические, и докимеоновы саркофаги обычно доводили до завершения в мастерской, перевозчик или покупатель, или они оба, должны были предпринять дополнительные меры для того, чтобы декор не был поврежден в пути, и это, видимо, увеличивало стоимость товара. Более того, если, как представляется, наш саркофаг был изготовлен около середины II в., то его привезли в Херсонес в самом начале популярности этих погребальных сооружений за пределами собственно Рима.

Таким образом наша гипотеза предполагает наличие в Херсонесе очень состоятельного, имеющего высокий статус заказчика, который был в курсе новых веяний в погребальном устройстве в центре римского мира, обладавшего необходимыми социально-экономическими связями для приобретения такого саркофага из мастерской далёких Афин. Тот факт, что к концу II в. саркофаги Докимеона становятся более стандартизированной продукцией и их распространение осуществлялось различными внутренними сухопутными маршрутами говорит о том, что, возможно, в этот период их продажа осуществлялась в розницу, а не по специальному заказу. Вместе с тем маловероятно, чтобы дорогие готовые саркофаги доставлялись из Афин или Докимеона до самого Крыма без предварительной договоренности. К тому же, как утверждает П. Йонгсте, разнообразие сюжетов, воспроизведенных аттическими мастерскими в третьей четверти II в., свидетельствует не о стандартизации, а об изготовлении на заказ, возможно, с учетом пожеланий индивидуальных заказчиков [Jongste, 1992, p. 101]. Так, покупатель нашего саркофага мог приобрести его по специальному заказу.

Если это так, выбор сюжета мог иметь особое значение для жителя Херсонеса. Конечно, выбор подвигов Геракла мог просто отражать личный вкус владельца. Но ко II в. н.э. Геракл уже более половины тысячелетия являлся также и покровителем Херсонеса и, как утверждал В.М. Зубарь, в это время его культ приобрел новые, четко выраженные, хтонические функции. Изображение героя на высокохудожественном импортном саркофаге, вероятно, имело целью свидетельствовать не только о богатстве владельца.

В историческом исследовании В.М. Зубаря о Херсонесе второй половины II в. содержатся данные, свидетельствующие, что в этот период такая декларация была совершенно уместна. Наличие херсонесской аристократии с прямыми римскими связями отражено в исторических документах этого периода: делегация, возглавляемая Аристоном, сыном Аттины, предположительно местным аристократом, посетила Рим в начале II в. н.э. с просьбой о предоставлении *элевтерии* [IOSPE, I-2, №. 423; Зубарь, 1994, с. 39, 44]. Несмотря на неудачу первой делегации, этот статус был предоставлен городу в 40-х годах

II в., что сопровождалось расширением римского военного присутствия в Херсонесе [Зубарь, 1994, стр. 44]. В то же время некоторым членам городской элиты, очевидно, было предоставлено право римского гражданства [Зубарь, 1994, стр. 107]. Нетрудно предположить, что один из этих местных аристократов, заказывая погребальный памятник по последней римской моде, с декором, подчеркивающим связь его города с Гераклом, чествовал героя, почитаемого римлянами, и особенно римскими солдатами (см. вышеупомянутый алтарь Геракла, № 14/37299), и обеспечивал эсхатологическую модель собственного бессмертия.

Этот вывод подводит нас к вопросу о размещении саркофага. Несколько фрагментов саркофагов было найдено Г.Д. Беловым в «Базилике 1935 г.», датируемой VI в., где они использовались в качестве вымостки и строительного материала. Автор раскопок полагал, что эти саркофаги изначально размещались в мавзолее первых веков н.э., который, как он утверждал, находился на месте будущей базилики. Поэтому найденный в слое более раннего времени цемячковый пол он отнес к остаткам этого мавзолея. Однако дальнейшие исследования показали, что этот пол был связан с другим сооружением, предположительно синагогой, которая прежде занимала этот участок [Завадская, 1996, стр. 101; Золотарев, Коробков, 1998, стр. 114], и идея о мавзолее римского периода в Северном районе города была отклонена.

Действительно, несмотря на убедительные свидетельства использования саркофагов в погребальном обряде Херсонеса, ни мавзолеев, ни гробниц, в которых они могли размещаться, ни в городе, ни за его пределами, найдено не было. Известные типы погребальных сооружений не очень пригодны для размещения саркофагов [Античная Скульптура Херсонеса, 1974, стр. 137], также, за более чем стовосьмидесятилетнюю историю раскопок загородных некрополей, не было обнаружено ни одного фрагмента отдельно стоящего саркофага. Поэтому мы не можем связать плиты из «Базилики 1935» с конкретным сооружением или участком обширного некрополя, окружавшего город. Впрочем, наиболее вероятным месторасположением могла быть территория за пределами городских стен, вдоль дорог, ведущих к городским воротам. Вторичное использование эллинистических и римских надгробий в кладках оборонительных стен, а также наличие приставных склепов римского периода в периболе, подтверждают продолжение практики размещения погребальных сооружений рядом с городскими стенами в первых веках н.э.

Погребения, относящиеся к римскому периоду, обнаруженные во время раскопок участка, прилегающего к городскому водохранилищу в Южном районе, свидетельствуют о том, что такая же картина могла наблюдаться и в районе близлежащих южных городских ворот. Эти погребения были потревожены сооружением комплекса водохранилища с перенесением прилегающей оборонительной стены и одновременным расширением городской территории; изначально они находились вблизи 13 куртины, в непосредственной близости

от ворот [Зубарь, Седикова, 2008, стр. 640]. Наши фрагменты скульптуры, а также другие надгробные памятники, найденные при раскопках построек византийского периода в Южном районе, возможно, происходят с этого же участка. Южные ворота многими исследователями связываются с упоминаемыми в письменных источниках «Мертвыми воротами» [Сорочан, 2005, с.692]; таким образом можно предположить, что они были связаны с главной тропой похоронных процессов. Если Херсонес следовал примеру других римских поселений, то территория вдоль этой дороги и прилегающая к городу была наиболее вероятной для размещения роскошных гробниц богачей и, таким образом, приемлемым местом для мавзолеев и саркофагов городской *aristoi*.

Несколько столетий спустя, когда новый мрамор стал более дефицитным, стенки этих саркофагов могли быть взяты с этого или другого участка загородного некрополя для украшения новой базилики [Зубарь, 1982, стр. 9, рис. 1]. Однако голова скульптуры, найденная при раскопках «Базилики 1935», может поведать более запутанную историю. Публикаторы каталога определили, что это голова молодого Геракла, занятого напряженной работой – возможно, борьбой с Немейским львом, – и отнесли её к саркофагу середины II в. н.э. [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 466, стр. 148]. Для обоснования датировки отмечено использование бурава для обработки волос, а также возможное пластическое изображение зрачка глаза [Античная скульптура Херсонеса, 1974, стр. 148]. Несмотря на совпадение датировки и сюжета с нашим фрагментом, связать их не представляется возможным, так как голова длиной 17 см будет непропорционально велика для нашей фигуры.

Характер сверления, использованный для обработки волос скульптуры и гривы нашего льва, также существенно отличается. При обработке волос просверлены только пряди правой стороны головы, а на поверхности кожи видны отчетливые следы рашпиля или зубчатого скребка (рис. 15). Н. Ханнестад определил, что широкое использование буравчика для обработки волос, а также опиление рашпилем или придание шероховатости поверхности кожи, является убедительным доказательством того, что в позднеантичный, а именно в Константиновский период, скульптура была реставрирована или переделана [Hannestad, 1994, p. 53ff]. Он связывает эти реставрационные работы с попытками учесть атмосферное воздействие на старую скульптуру, особенно в тех случаях, когда эта скульптура используется вторично в новых контекстах (Самый известный пример – арка Константина). Саркофаги входили в число вторично используемых объектов: Н. Ханнестад приводит в пример стенку саркофага Антонина, которая сейчас находится в термах Диоклетиана, на которой была вырезана новая (непогребальная) надпись тетрархического или Константиновского периода [Hannestad, 1994, p. 94]. Они также могли использоваться в христианских контекстах. В Остии саркофаг III в. с изображением Орфея в образе пастуха позже был перенесен в христианскую часовню. Здесь он сохранил свое первоначальное назначение, очевидно, выполняя

роль гробницы мученика, но в данном контексте его иконография приобрела новое значение [Murray, 1981].

Если интерпретация нашего фрагмента как части саркофага верна, то определение периода его вторичного использования – между изначальным погребальным применением и последним использованием в качестве строительного материала – могло бы объяснить одну из его непонятных особенностей. Большинство находок фигурных саркофагов представлены либо более мелкими и тонкими фрагментами, отколотыми от верхней поверхности рельефа, либо фрагментами с более высоким рельефом, все еще соединенными с остатками стенки саркофага. Задняя поверхность нашего фрагмента – целая, но нет остатков стенки – только невысокий, почти плоский выступ, о котором мы говорили выше. Если выступ действительно представляет собой остатки соединения со стенкой саркофага, он мог быть сделан только с помощью осторожного и преднамеренного отделения скульптурной группы от стенки. В таком случае получившийся скол должен был быть поверхностно заглажен, а не тщательно обработан, так как в этом случае поверхность выступа была бы неровной и закругленной.

Контекст, в котором был обнаружен наш фрагмент, вторично использованный в качестве строительного материала, датируется XIII в. н.э. Саркофаг, к которому, как мы полагаем, он относился, может датироваться третьей четвертью II в. н.э. В какой-то момент, спустя продолжительное время после первоначального использования, но раньше его последнего использования в качестве строительного материала, как минимум одна из скульптурных групп, видимо, была осторожно отделена и появилась в новом контексте предположительно в черте города, недалеко от своего местонахождения. Исследование N. Hannestad и находка головы скульптуры в «Базилике 1935» свидетельствуют о том, что это могло случиться в IV – V вв., в период, для которого в Херсонесе имеется не много археологической информации. В позднеантичный период Геракл оставался популярной фигурой для второстепенных видов искусства, а также мог все еще играть важную роль для Херсонеса. Контекст, в котором скульптура была вторично использована, и её значение для позднеантичного зрителя остаются неясными, но можно отметить, что граница между христианской и языческой художественной символикой в этот период была расплывчата, и в любом случае фигуру борца со львом можно было рассматривать и с библейской, и с мифологической позиций (Самсон, Давид, а также Геракл [Ambrose, 2005]). Несколько мраморных скульптурных фрагментов различного типа, обнаруженных во время недавних раскопок украинско-польской экспедиции, на участке «Пятиапсидного храма», расположенного чуть западнее нашего участка, могут указывать на наличие постройки, где скульптура имела особое назначение [Klenina, 2008, p. 451, fig. 8]. Заманчиво предположить, что наш фрагмент мог быть вторично использован в подобном контексте, что позволило бы уточнить датировку скульптурного ансамбля.

Если наши рассуждения верны, этот невзрачный, изношенный кусок мрамора может предоставить новую важную информацию о жизни Херсонеса римского периода, который так основательно исследовался В.М. Зубарем. В своём первоначальном виде он мог быть частью очень дорогого роскошного погребального сооружения, принадлежавшего представителю местной элиты, имевшему широкие связи. Это предполагает определенный уровень благосостояния Херсонеса в середине II в. н.э., и важное место города в международных торговле и социальной структуре того времени. Позже, когда владелец саркофага уже был стерт из коллективной памяти общества, как минимум одна из изяшных мраморных скульптур, украшавших саркофаг, могла быть осторожно отпилена зубилом и установлена – возможно, у стены – как отдельная скульптурная группа. Значительно позже остатки скульптуры, давно разбитой на куски и поврежденной почти до неузнаваемости, оказались в доме византийского периода в качестве обычного строительного материала, где они были замечены и извлечены во время консервационных работ после раскопок 2006 г. Сорок лет своей жизни В.М. Зубарь посвятил изучению Херсонеса античного периода, и мы надеемся, что это скромное описание одного, невзрачного на вид, но имеющего при ближайшем рассмотрении, богатую историю памятника, послужит данью его способностям исследователя и аналитика.

ЛИТЕРАТУРА

- Античная скульптура Херсонеса. – Киев, 1976.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935 – 1936 гг. Симферополь, 1938.
- Белов Г.Д. Херсонесские рельефы. // ВДИ. – 1940. - № 3-4.
- Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г. в Херсонесе. //МАИЭТ. – 1996.- Вып. V.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р.Х. // Материалы Второй Всероссийской церковно - археологической конференции. Церковная археология. – С.-Пб.- 1998. - Вып. 4.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического. – К., 1982.
- Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. – К., 1987.
- Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса. // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988.
- Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в Античную эпоху. – К., 2004.
- Зубарь В.М. Боги и герои Античного Херсонеса. – К., 2005.
- Зубарь В.М., Седикова Л.В. История археологических исследований и некоторые итоги изучения Южного района Херсонеса – Херсона. //Сугдейский сборник.- 2008.- Вып. III.

- Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. – М., 1999.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков. - 2005.
- Стржелецкий С.Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ.- 1951.- № 2.
- Щеглов А.Н. Геракл отдыхающий. //Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – К., 1974.
- Ambrose K. Samson, David, or Hercules? Ambiguous Identities in some Romanesque Sculptures of Lion Fighters.// Konsthistorisk Tidskrif. Journal of Art History. 2005.- 9.- 74:3(9).
- Asgari N. Roman and Early Byzantine Marble Quarries of Proconnesus.// The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology Ankara - Izmir. - 1973.
- Bordenache Battaglia G. Sculture Greche e Romane del Museo Nazionale di Antichità di Bucarest. // Bucarest.- 1969.
- Brilli M., Cavazzini G., Turi B. New data of 87Sr/86Sr ratio in classical marble: an initial database for marble provenance determination.// Journal of Archaeological Science. – 2005.- 32:10.
- Comstock M. B., Cornelius C. V. Sculpture in stone: the Greek, Roman and Etruscan collections of the Museum of Fine Arts, Boston. Boston. – 1976.
- Dierichs A. Ein Heraklesfragment in Side.// Antike Welt.- 1992.- 23:4.
- Engemann, J. Untersuchungen zur Sepulkralsymbolik der späteren römischen Kaiserzeit. // Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband. - 2. - Münster (Westfalen).- 1973.
- Espérandieu E. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine. Vol. 2.- Ridgewood, N.J.- 1908 [1965].
- Hannestad N. Tradition in Late Antique Sculpture: Conservation, Modernization, Production. Aarhus.- 1994.
- Jongste P. F. B. The Twelve Labours of Hercules on Roman Sarcophagi.// Roma: «Erma» di Bretschneider. – 1992.
- Klenina E. Some Remarks on the Topography of the Ancient Chersonesus Taurica. //Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65.Geburtstag, Wien.- 2008.
- Koch, G. Sarkophage der römischen Kaiserzeit. Darmstadt.- Wissenschaftliche Buchgesellschaft.- 1993.
- Lexicon iconographicum mythologiae classicae (LIMC). - Zürich .- 1990.- Vol. V, 1.
- Michaelis A. Ancient Marbles in Great Britain. Cambridge.- 1882.
- Robert C. Die antiken Sarkophagreliefs. //Die mythologischen Sarkophage. Berlin.- 1968.- Band 12.
- Rogge S. Die attischen Sarkophage. Deutsches Archäologisches Institut. Gebr. Mann Verlag.- Berlin. -1995.
- Salis A. von. Löwenkampfbilder des Lysipp. Berlin.- 1956.
- Squarciapino M. F. Sculture del Foro Severiano di Leptis Magna. Monografie di archeologia libica.- Roma.- 1974.- 10.
- Waelkens M. Dokimeion: die Werkstatt der repräsentativen kleinasiatischen Sarkophage: chronologie und typologie ihrer Produktion. –Berlin.- 1982.
- Ward-Perkins J. B. The imperial sarcophagi of Roman Tyre.// Bulletin du Musée de Beyrouth.- 1969.- 22.
- Ward-Perkins J.B. The marble trade and its organization: evidence from Nicomedia.// Memoirs of the American Academy in Rome.- 1980.- 36.
- Wiegartz H. 1974. Marmorhandel, Sarkophagherstellung und die Lokalisierung der kleinasiatischen Säulensarkophage.// Melanges Mansel.- Ankara.- 1974.- 1.

А. Рабіновиц, Л.В. Седікова

НОВИЙ МАРМУРОВИЙ САРКОФАГ З ЗОБРАЖЕННЯМ ПОДВИГІВ ГЕРАКЛА З ХЕРСОНЕСУ

Резюме

У 2006 р., під час реставраційних робіт у житловому кварталі візантійського періоду у Південнім районі Херсонесу, був знайдений фрагмент удруге використаної мармурової скульптури. Він складається з частини людського торсу, а також голови, гриви та пе-

редній лапи лева. Фрагмент з упевненістю можна інтерпретувати як частину скульптурної композиції, відображаючій Геракла, який б'ється з Немейським левом. За гадкою авторів, він походить від саркофага з рельєфним фризом з зображенням подвигів Геракла, виготовленого або в Афінах, або в Малій Азії у третій чверті II ст. н.е. Скоріш за все, саркофаг подібної якості попав до Херсонесу по особистому замовленню заможного жителя міста. Автори припускають, що дана група була відокремлена від саркофагу і, можливо, удруге використовувалась в якості окремо стоячої скульптури у пізньоантичному контексті до того, як, в решті решт, перетворилась у будівельний матеріал.

А. Рабиновиц, Л.В. Седикова

НОВЫЙ МРАМОРНЫЙ САРКОФАГ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Резюме

В 2006 г., во время реставрационных работ в жилом квартале византийского периода в Южном районе Херсонеса, был обнаружен фрагмент вторично использованной мраморной скульптуры. Он состоит из части человеческого торса, а также головы, гривы и передней лапы льва. Фрагмент с уверенностью можно интерпретировать как часть скульптурной композиции, изображающей Геракла, сражающегося с Немейским львом. По мнению авторов, он происходит от саркофага с рельефным фризом с изображением подвигов Геракла, изготовленного либо в Афинах, либо в Малой Азии в третьей четверти II в. н.э. Скорее всего, саркофаг подобного качества попал в Херсонес по личному заказу состоятельного жителя города. Авторы предполагают, что данная группа была отделена от саркофага и, возможно, вторично использовалась в качестве отдельно стоящей скульптуры в позднеантичном контексте до того, как, в конечном итоге, превратилась в строительный материал.

A. Rabinowitz, L. V. Sedikova

A NEW MARBLE SARCOPHAGUS WITH THE LABORS OF HERACLES FROM CHERSONESOS

Summary

During the conservation of a Byzantine residential block in the South Region of Chersonesos in 2006, there was found a reused fragment of a marble sculpture. The fragment includes part of a human torso and the head, mane, and foreleg of a lion. It can be identified with confidence as a part of a sculptural composition depicting Heracles wrestling with the Nemean Lion. The authors suggest that it came from a sarcophagus with a relief frieze depicting the Labors of Heracles, produced either in Athens or in Asia Minor in the third quarter of the 2nd century AD. A sarcophagus of this quality is likely to have arrived in Chersonesos as the result of a private commission by a wealthy resident of the city. The authors conclude with some ideas about the separation of this group from its sarcophagus and its possible reuse as a free-standing sculpture in a late antique context before its eventual conversion to building material.

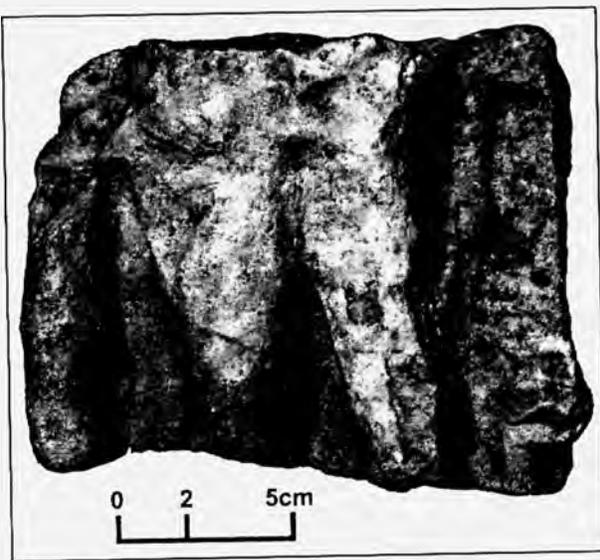

Рис. 1. Фрагмент маленькой вотивной стелы (SF2124) с изображением стоящего Геракла. Правой рукой герой опирается на палицу, слева свисает львиная шкура.

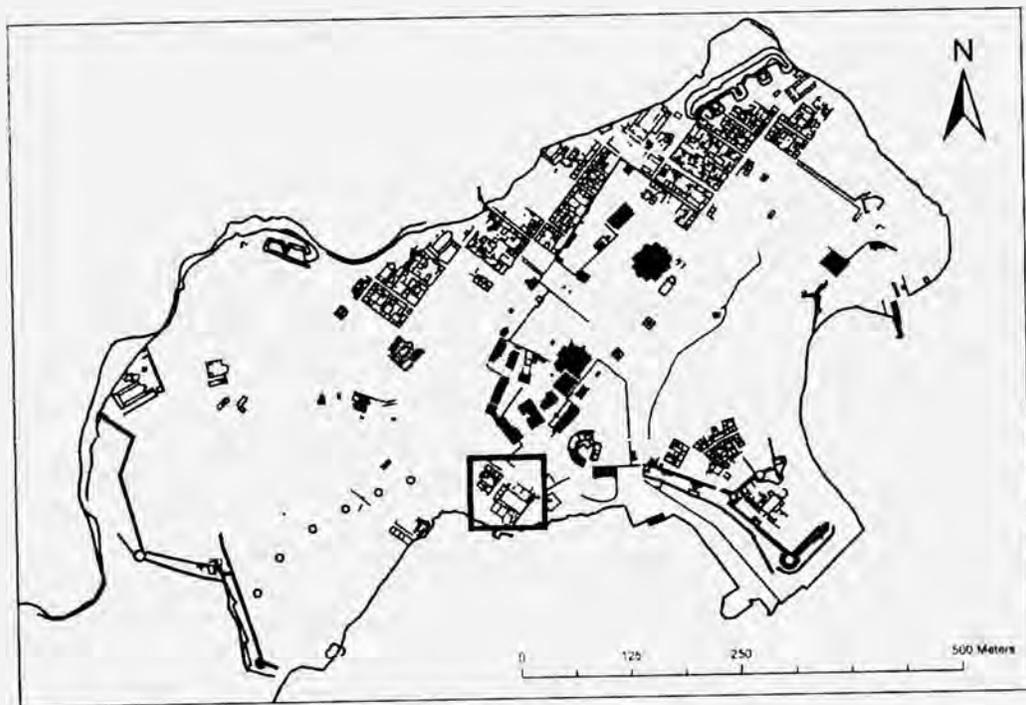

Рис. 2. План херсонесского городища с указанием расположения Южного района.

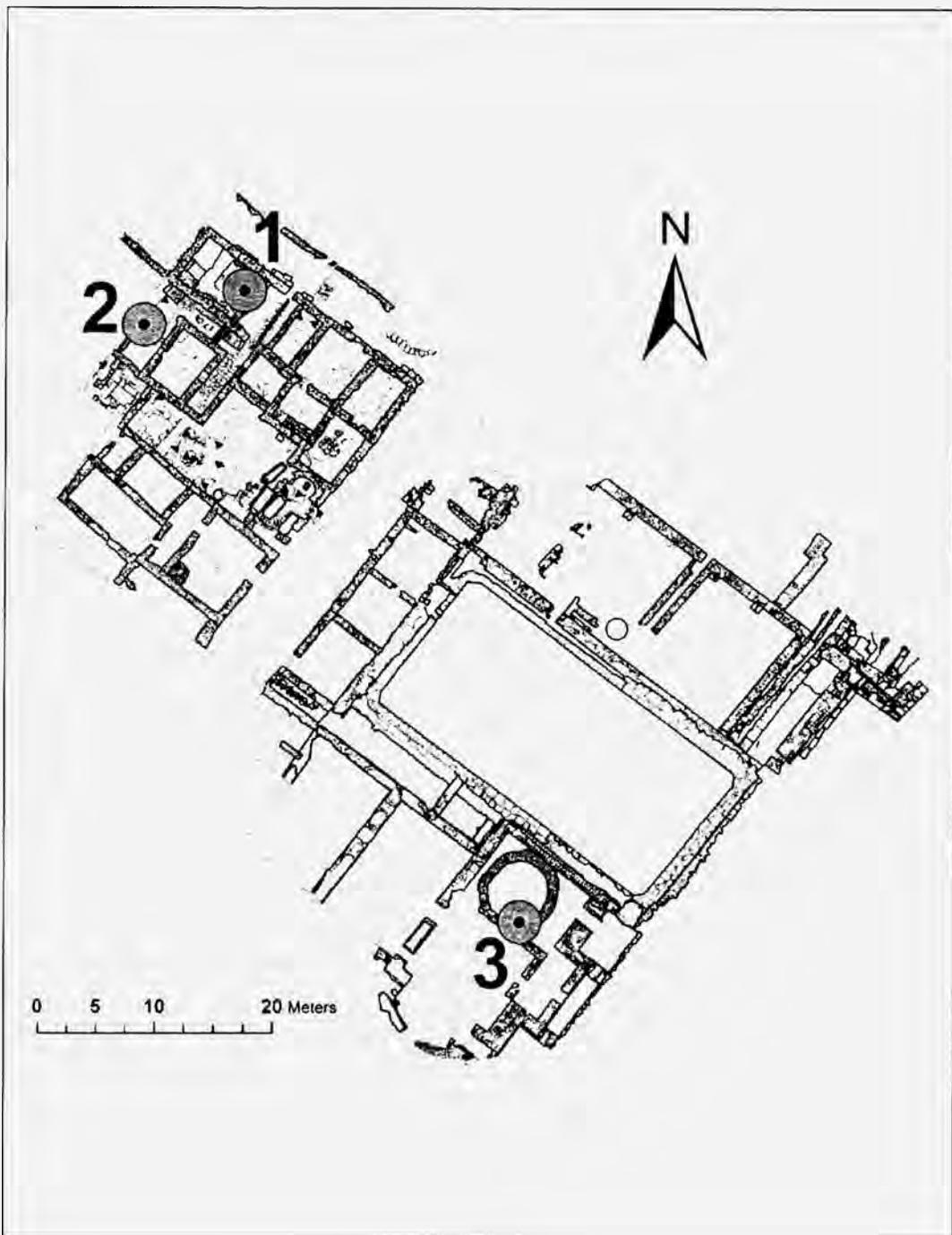

Рис. 3. План построек Южного района, с указанием места находок скульптурных фрагментов.

1: вотивная стена Геракла; 2: фрагмент с Гераклом и Немейским львом; 3: мужское бедро.

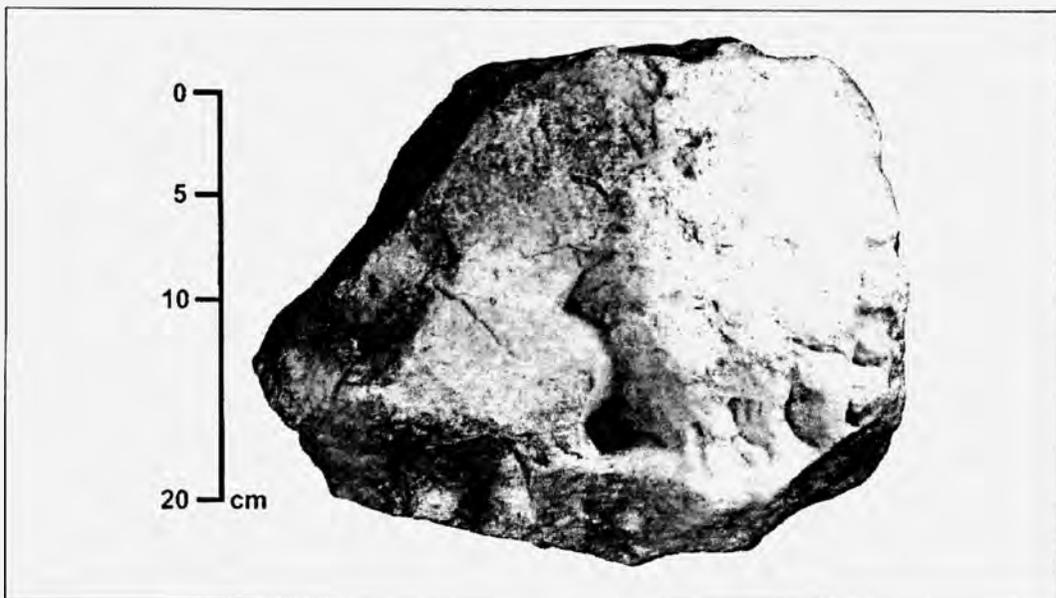

Рис. 4. Геракл со львом. Вид фрагмента спереди. Виден торс героя и грива льва.

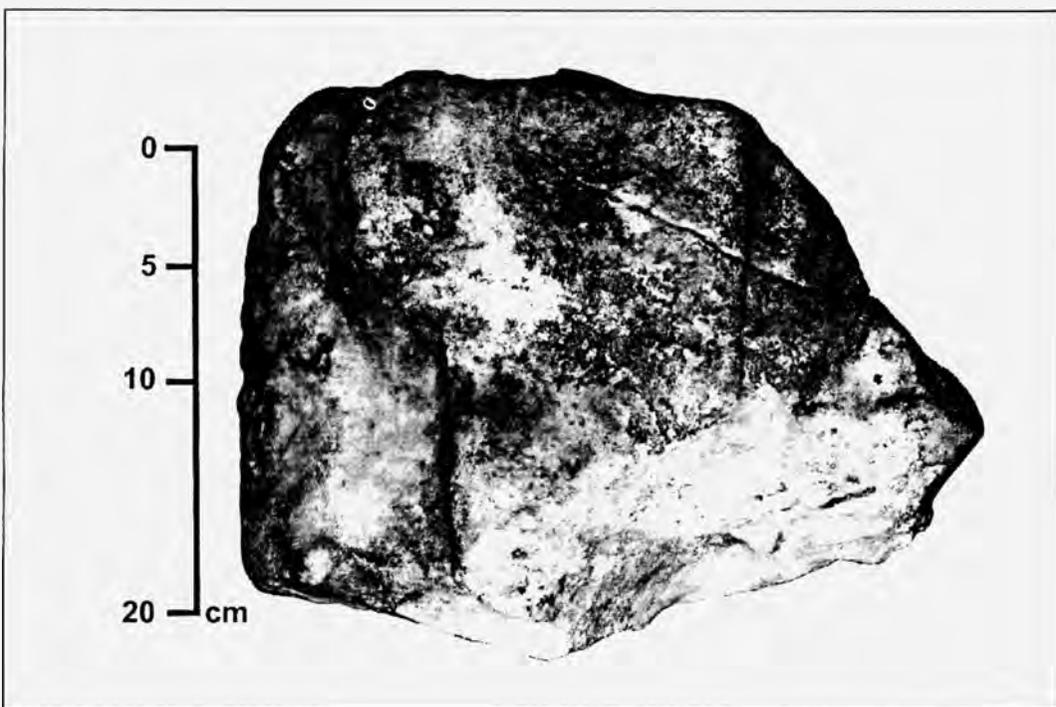

Рис. 5. Геракл со львом. Вид фрагмента сзади. Видна плоская поверхность.

Рис. 6. Геракл со львом. Вид правой части фрагмента. Видны правый бок и правая рука Геракла; камень обломан на уровне средней части груди героя.

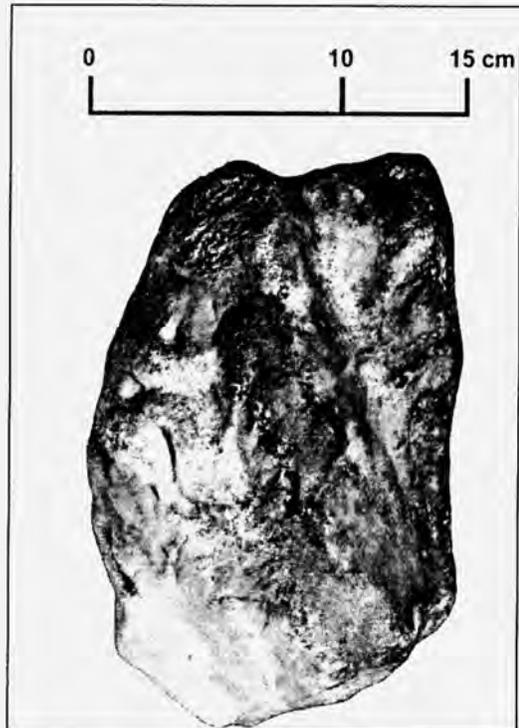

Рис. 7. Вид левой части фрагмента. Видна львиная морда.

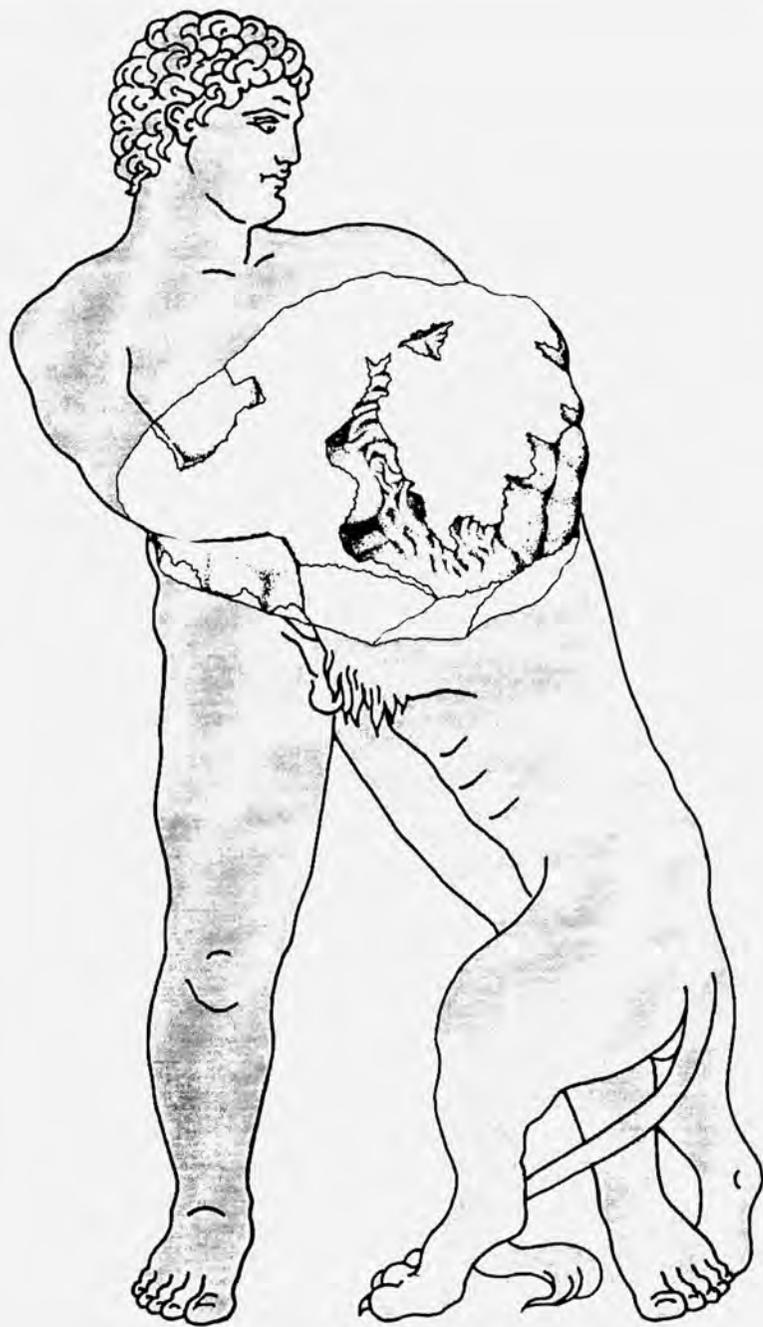

Рис. 8. Реконструкция. Вид спереди.

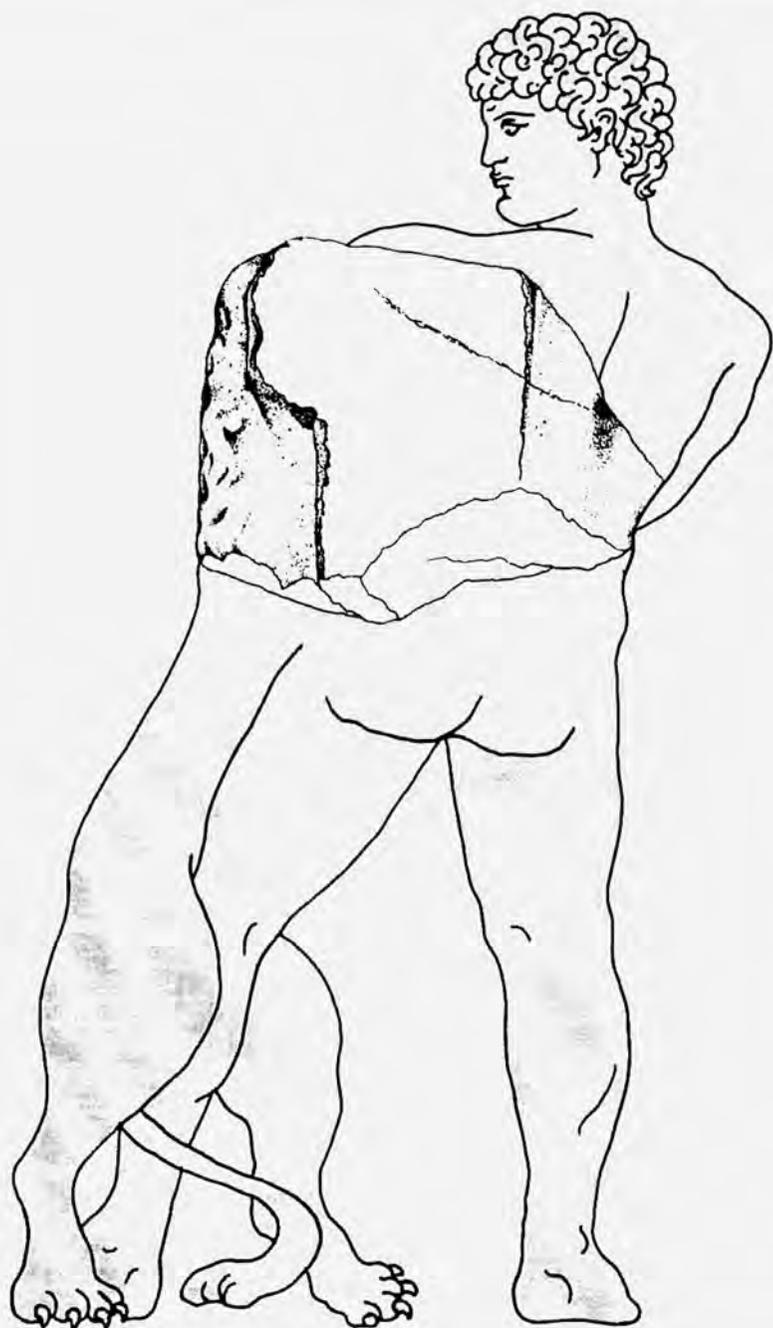

Рис. 9. Реконструкция. Вид сзади.

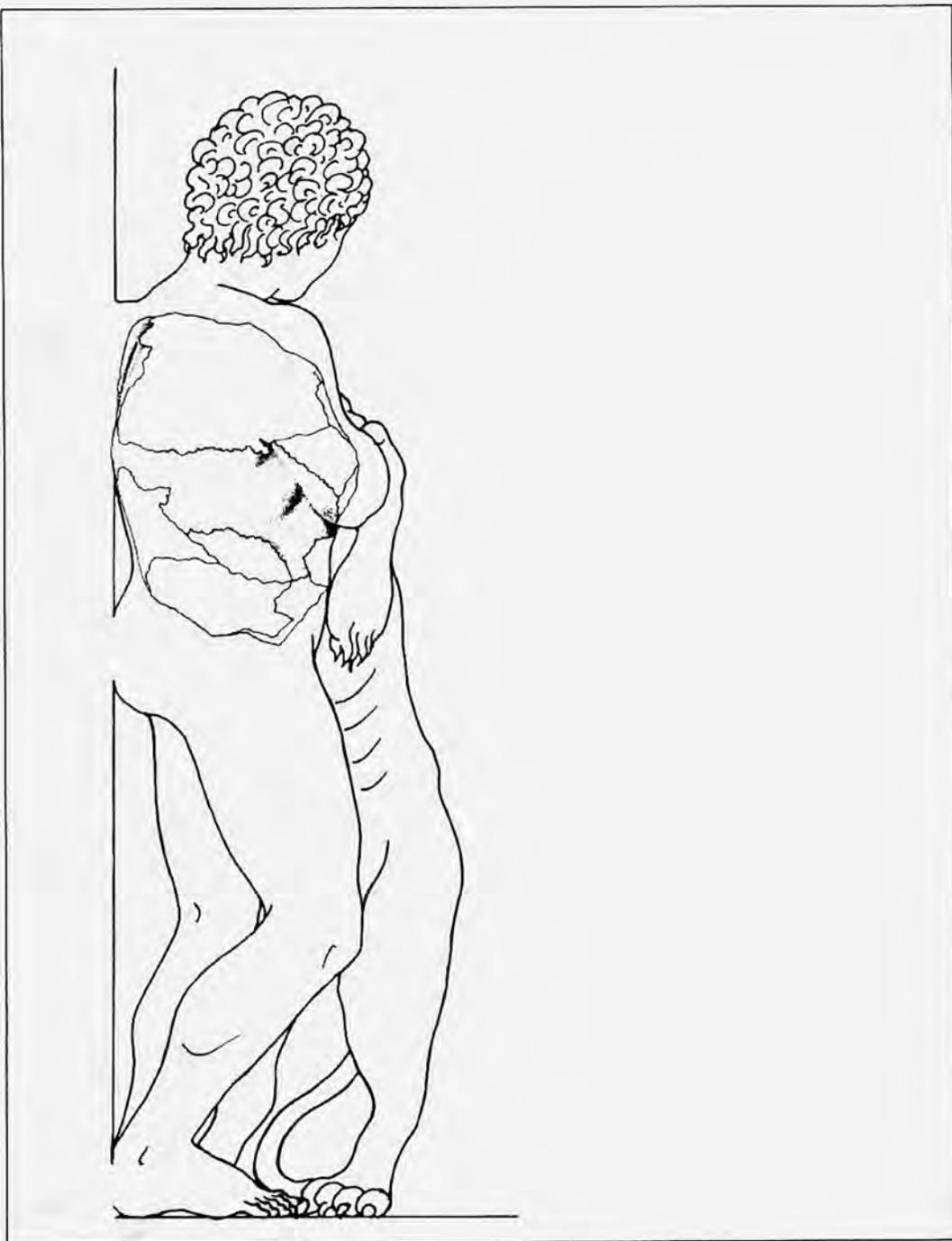

Рис. 10. Реконструкция. Вид справа.

Рис. 11. Реконструкция. Вид слева.

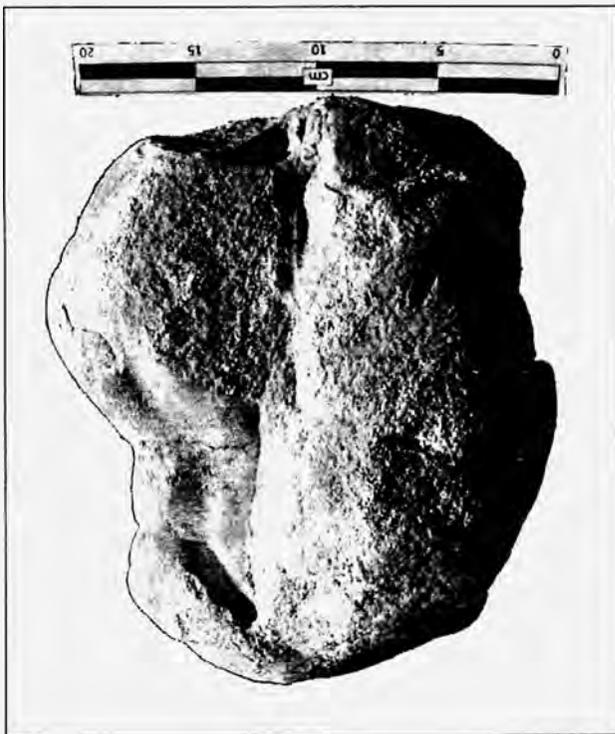

Рис. 12. Фрагмент скульптуры № 112/36579. Вид спереди: мужской торс.

Рис. 13. Фрагмент скульптуры № 112/36579. Вид левой части: пальцы правой руки плотно прилегают к левой стороне мужского торса.

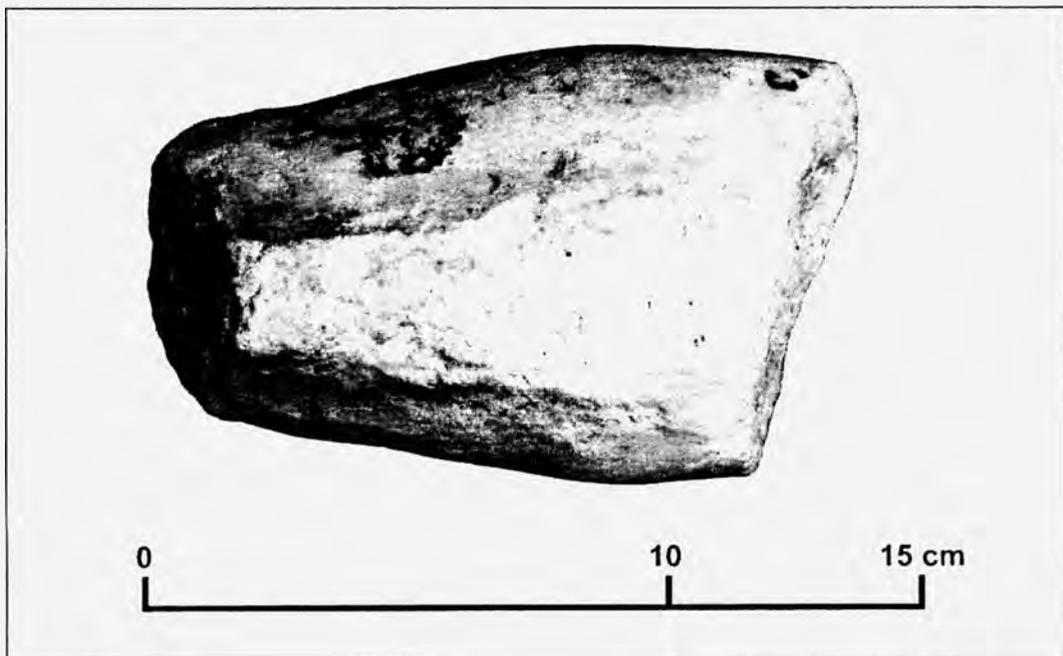

Рис. 14. Фрагмент скульптуры.
Мраморное бедро; бороздка на внутренней стороне – место соединения.

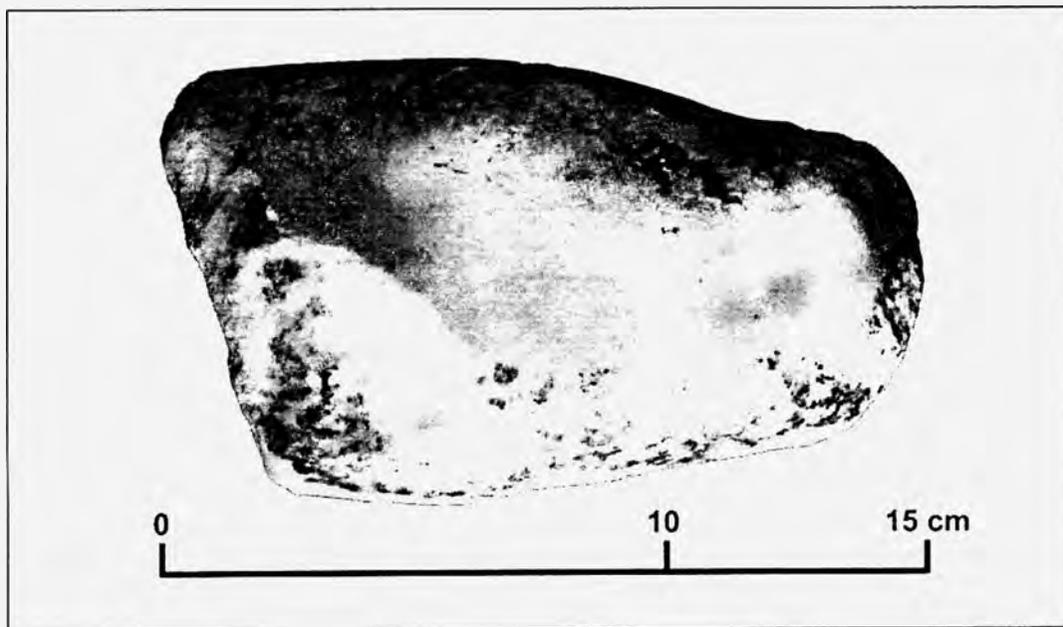

Рис. 15. Фрагмент скульптуры. Левая сторона бедра.

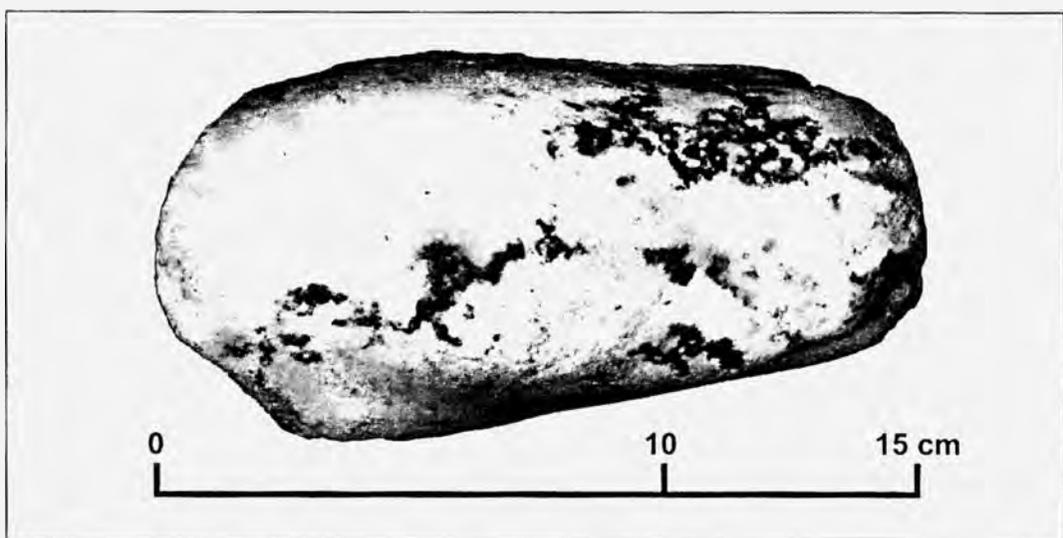

Рис. 16. Фрагмент скульптуры. Бедро. Вид спереди.

Рис. 17. Фрагмент скульптуры. Голова юного Геракла со следами скребка на лице.